

УДК 811.111

Филистова Н.Ю., Русских Г.И.

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «POWER» В ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «KING LEAR»

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвостилистических особенностей вербальной репрезентации концепта «власть» в трагедии У. Шекспира «Король Лир». В настоящее время все большее число лингвистов проводят исследования художественных концептов на материале произведений в различных языках. Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим интересом ученых к исследованию концептосферы целого художественного текста. Статья показывает значимость произведений У. Шекспира в мировой литературе, а также способствует пониманию столь распространенного и многогранного концепта «власть» в трагедии «Король Лир». Целью данного исследования является характеристика концепта «власть», а также описание способов его актуализации в рассматриваемом произведении. Для достижения поставленной цели мы использовали следующие общенаучные и лингвистические методы исследования: описательно-аналитический метод, метод концептуального анализа и метод сплошной выборки. Объектом исследования является концепт «власть», а в качестве предмета исследования выступают лингвистические средства его репрезентации в тексте. В статье раскрывается сущность понятия «концепт» и методы его исследования, дается характеристика такого социально-политического явления, как власть, приводятся результаты анализа встречаемости фреймов в трагедии. Проведенный анализ позволил нам выявить различные лингвистические средства репрезентации концепта «власть» в художественном тексте. Это в свою очередь приводит к более глубокому осмыслению сюжета и идей одного из самых актуальных и в наше время произведений драматурга.

Ключевые слова: концепт; репрезентация концепта; фрейм; Шекспир; власть.

Сведения об авторах: Филистова Наталья Юрьевна, канд. филол. наук, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, д. 1, ауд. 415; e-mail: nataliafilistova@yandex.ru

Русских Галина Игоревна, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, ул. Ленина, д. 1, ауд. 415.

Filistova N.Yu., Russkikh G.I.

VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “POWER” IN W. SHAKESPEARE'S TRAGEDY “KING LEAR”

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic and stylistic features of the verbal representation of the concept “power” in W. Shakespeare’ tragedy “King Lear”. Currently, an increasing number of linguists are conducting research on literary concepts based on the material of works in various languages. The relevance of this article is due to the growing interest of scientists in the study of concept sphere of a whole literary text. The article shows the importance of the works of W. Shakespeare in world literature, and also contributes to the understanding of such a widespread and multifaceted concept “power” in the tragedy “King Lear”. The purpose of this study is to characterize the concept “power”, as well as to describe the ways of its actualization in the work under consideration. To achieve this goal, we used the following general scientific and linguistic research methods: descriptive-analytical method, conceptual analysis method and continuous sampling method. The object of the research is the concept “power” and the subject of research is the linguistic means of its representation in the text. The article reveals the essence of the term “concept” and methods of its research, gives a characteristic of such a socio-political phenomenon as power, provides the results of the analysis of the occurrence of frames in the tragedy. The analysis allowed us to identify various linguistic means of representing the concept “power” in the studied text. This, in turn, leads to a deeper understanding of the plot and ideas of one of the most relevant works of the playwright in our time.

Key words: concept; concept representation; frame; Shakespeare; power.

About the authors: Filistova Natalia Yurievna, Ph.D., Surgut State University; 626412, Russia, Surgut, st. Lenin, 1, of. 415; e-mail: nataliafilistova@yandex.ru

Russkikh Galina Igorevna, Surgut State University; 626412, Russia, Surgut, st. Lenin, 1, of. 415.

Термин «концепт» является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Его активное внедрение в научную литературу на русском языке было зафиксировано с 1928 года, когда С.А. Аскольдов впервые употребил его в статье «Концепт и слово» (Аскольдов 1997).

Как отмечается в работе Н.Ю. Филистовой «поворот лингвистики к целостному тексту как объекту исследования поставил ученых перед необходимостью исследования концептуального смысла текста (А.Е. Кибрик, В.В. Красных, В.А. Маслова и др.)» (Филистова 2011: 182). Кроме того, «концептуальная информация семантически выводится из всего текста, поэтому нацеленное на её выявление исследование может заключаться в обнаружении и интерпретации базовых концептов того или иного литературного произведения» (Филистова 2010: 46).

Во многих словарях, а также учебной литературе по когнитивной лингвистике, концепты рассматриваются как абстрактные единицы языка, как смыслы, служащие человеку для мыслительных операций и отражающие все те опыт и знания, накопленные в результате его деятельности и познания им окружающего мира (Болдырев 2004: 21). При этом важно отметить, что в содержание концепта также входит информация о знаниях индивида, его предположениях и соображениях касательно того или иного явления мира. С помощью концептов все многообразие явлений сводится к чему-то единому, соответствующему некоторым закрепленным в обществе категориям и классам (Арутюнова 1991: 163).

Исследовав точки зрения по данному вопросу таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, Н.В. Крючкова, М.В. Никитин, мы можем обнаружить реализацию концептов с помощью вербальных средств выражения, таких как предложения, паремии, фразеологизмы, лексемы и т.д.

В свою очередь, способы изучения концептов тоже различны. Рассмотрим наиболее распространённые из них:

1. Метод лексикографического исследования является ключевым при рассмотрении концептов. Суть его заключается в анализе содержимого толковых словарей (Крючкова 2004: 271).

2. Компонентный анализ, рассматривает значения слов, опираясь на их семный состав и устанавливает классификационные связи ключевых номинантов концепта (Никитин 1983: 87).

3. Словообразовательный анализ выявляет деривационные возможности номинанта, способствуя построению всего лексико-семантического поля. Другими словами, данный метод устанавливает отношения производности (Крючкова 2004: 272).

4. Исследование внутренней формы слова способствует восстановлению деталей культуры концепта, будь то духовная или материальная культуры (Никитин 1983: 88).

5. Синтагматический или дистрибутивный анализ предполагает рассмотрение сочетаемости различных частей речи с базовыми номинантами концепта (Стернин 2001: 58).

6. Исследование лексико-семантических групп причисляют к наиболее часто используемым структурно-семантическим анализам. Он представляет собой использование данных различных видов словарей (толковых, словообразовательных, синонимов и т. д.), их совокупное рассмотрение (Никитин 1983: 22).

7. Паремиологический анализ состоит в изучении материалов афоризмов, пословиц и поговорок (Валеева 2009: 25).

8. Контекстуальный анализ позволяет сделать акцент на имплицитном содержании концепта и также дополнить его (Бухаров 2001: 53).

9. Экспериментальные методы используются для получения дополнительной информации эмоционального и/или оценочного характера о самом концепте (Крючкова 2004: 271).

Объединяя вышеперечисленные методики, можно причислить их к обобщенному понятию - методу концептуального анализа.

Для использования вышеперечисленных методов при анализе концепта «power» в произведении У. Шекспира необходимо сначала рассмотреть семантику данной лексической единицы.

Власть – это возможность оказывать влияние в условиях, когда тот, на кого оно оказывается, обязан повиноваться или перенимать точку зрения того, кто распространяет это влияние.

Власть может существовать только при наличии следующих условий:

1. Наличие не менее двух участников отношений;
2. Подчинение (в той или иной мере) объекта власти субъекту;
3. Наличие общественных норм (как регламентированных, так и не регламентированных), устанавливающих право субъекта обладать властью (Вятр 1979: 321).

Как лексема английского языка, «**power**» обладает множеством значений – такая вариативность объясняется ещё её рассмотрением в виде разных частей речи. В «Большом англо-русском словаре» под редакторством И.Р. Гальперина есть следующие трактовки: 1) сила, могущество, власть – power; 2) абсолютная [верховная] власть – absolute [supreme] power; 3) силы тьмы, темные силы – the powers of darkness/of evil; 4) сделать все возможное – to do all in one's power; 5) умственная или физическая способность – power of thought or movement; 6) широкие полномочия или права – large powers; 7) доверенность – power of attorney; 8) великие державы – the Great Powers; 9) политика государства – power politics; 10) бессильный, слабый – powerless; 11) одержимый жадой власти – power-mad; 12) to come to power, to take/to seize power – прийти к власти, взять/захватить власть и т. д. (Гальперин 1972: 241).

Сравнительно недавнее изучение концептов в произведениях У. Шекспира не мешало литераторам, да и простым читателям на протяжении уже нескольких столетий наделять героев практически каждого произведения драматурга теми или иными образами, находящими свое отражение как в монологических, так и в диалогических речах. Тема концепта неразрывно связана с темой образа, и, можно даже сказать, первое является одним из главных составляющих второго.

Трагедия У. Шекспира «Король Лир» одна из наиболее четких и однозначных трагедий в плане выраженных в ней концептов. Фреймы концепта «power» в основном представлены здесь в едином русле, хоть и нередки случаи, когда, казалось бы, положительное явление трактуется с негативной стороны, дополняя отрицательную репрезентацию концепта. Такой прием, конечно, нередок как в литературе в целом, так и в других творениях автора, но именно в данной трагедии эти иллюзии и обманы заставляют читателя сопереживать главному герою и одному из его дочерей. Изучив дефиниции лексемы power, а также текст трагедии У. Шекспира, представим структуру концепта “power” в схеме, представленной на рисунке.

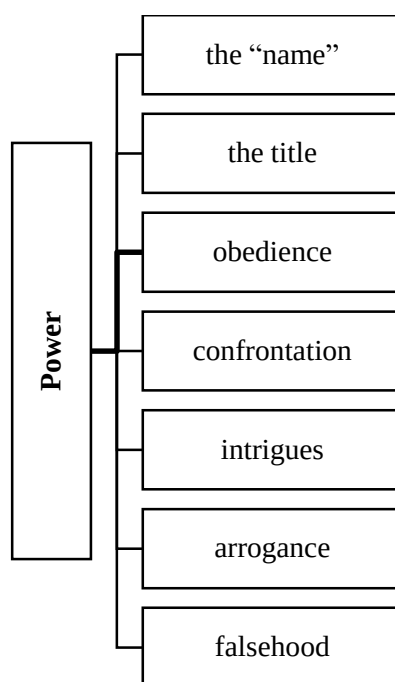

Рис. Структура концепта “power” в трагедии У. Шекспира «Король Лир»

Имя, название, прозвище – все эти явления лингвистики несут за собой одну единственную цель – раскрыть истинную суть презентуемого в массы или малые круги явления.

Одной из самых употребляемых во фрейме «**the name**» будет выступать лексическая единица «villain», ведь большинство героев трагедии самые настоящие злодеи: “*O villain, villain! Abhorred villain! Unnatural, detested, brutish villain!*” (Shakespeare 2015: 21).

Конечно, эмоционально-окрашенные оскорбления являются одной из отличительных черт как самого произведения, так и каждого героя, и на страницах книги одних называют «bastard», в то время как других метафоричными “vulture” и “plague-sore”: “*Degenerate bastard!*” (Shakespeare 2015: 34); *Thy sister's naught: O Regan, she hath tied sharp-tooth'd unkindness, like a vulture, here* (Shakespeare 2015: 57); *Thou art a boil, a plague-sore, an embossed carbuncle, in my corrupted blood*” (Shakespeare 2015: 60).

Самыми примечательными репрезентациями фрейма “the name” являются также метафоры - “creature” и “monster”, ведь они указывают на то, что, произносящий их герой даже не считает тех, в адрес кого они направлены, за людей: “*Suspend thy purpose, if thou didst intend to make this creature fruitful!*” (Shakespeare 2015: 35); *He cannot be such a monster*” (Shakespeare 2015: 22).

Наиболее часто встречаемыми лексическими единицами фрейма “the title” являются «lord», используемый в обращениях героев друг к другу, а также “king”, при обращении к королю, которое часто заменяется более вычурными перифразами, такими как “my liege”, “most royal majesty” и «your highness”: “*My lord of Kent [14, p. 9]. Here's France and Burgundy,*

my noble lord (Shakespeare 2015: 14); *Nothing, my lord* (Shakespeare 2015: 11); *The king is coming* (Shakespeare 2015: 9); *I shall, my liege* (Shakespeare 2015: 12); *Most royal majesty* (Shakespeare 2015: 15); *I am glad to see your highness*” (Shakespeare 2015: 56).

В средневековые времена на территориях большинства стран царил патриархальный режим, и мы можем наблюдать это явление в анализируемом тексте. Примечательно, что лишь младшая дочь главного героя – Корделия заслуживает от одного из представителей знатного рода, лорда Кента, обращение «*madam*», тем самым вставая вровень со всеми мужскими персонажами данного произведения: “*Pardon me, dear madam...*”

Одной из самых употребляемых единиц фрейма “*obedience*” в трагедии является “*service*”, ведь слуги (в том числе и лорды), раз за разом желая услужить вышестоящим, не скупятся говорить, что все их услуги - лишь для них: “*My services to your lordship* (Shakespeare 2015: 9). *To thy law my services are bound* (Shakespeare 2015: 19). *The dear father would with his daughter speak, commands her service*” (Shakespeare 2015: 55).

В ходе анализа мы отметили, что наиболее значимым и выделяющимся на фоне остальных глаголов будет глагол “*to obey*”, который своим значением четко указывает на невозможность иного поведения. Он нередко усиливается таким стилистическим приемом, как перечисление: “*Obey you, love you, and most honour you* (Shakespeare 2015: 11). *You are a royal one, and we obey you*” (Shakespeare 2015: 106). Кроме того, мы выделили такие глаголы, как «*to please*» и «*to flatter*», которые являются в тексте более эмоционально окрашенными: “*Than not to have pleased me better* (Shakespeare 2015: 16). *They flattered me like a dog*”. (Shakespeare 2015: 103). Встречаются также и более нейтральные единицы, которые подчеркивают желание самого услужника быть ведомым за кем-то. К таким относится глагол «*to follow*», чаще используемый в «Короле Лире» обладателями власти, находящимися на ступень ниже короля: “*Whom I have ever honour'd as my king, loved as my father, as my master follow'd, as my great patron thought on in my prayers* (Shakespeare 2015: 13). *Knowing nought, like dogs, but following*” (Shakespeare 2015: 48).

Ирония автора заключается в том, что король Лир, разделяя свое королевство на территории, намеренно сделал их равными, стремясь предотвратить вражду за них. Фрейм “*confrontation*” репрезентируется лексической единицей «*strife*»: “*That future strife may be prevented now*” (Shakespeare 2015: 9). Свое дальнейшее развитие противостояние получило уже в другом доме, под главенством лорда Глостера. Здесь мы отмечаем наиболее частое использование предлога “*against*”, который входит в некоторых случаях в метафоры: “*If it be you that stir these daughters' hearts against their father* (Shakespeare 2015: 62). *There's son against father, there's father against child... Where he arrives he moves all hearts against us*” (Shakespeare 2015: 98) и т.д. Данный фрейм наиболее точно передается словом «*division*», употребленным Эдмондом: “*Unnaturalness between the child and the parent; death, dearth, dissolutions of ancient amities; divisions in state*” (Shakespeare 2015: 23).

Уже со второго места действия трагедия У. Шекспира погружает нас в череду готовящихся переворотов, ведь Эдмонд настроен пойти против отца и брата всеми правдами

и неправдами. Фрейм «**intrigues**» репрезентируется такими лексическими единицами, как “plot” и “machinations”: *“I’d turn it all to thy suggestion, plot, and damned practice (Shakespeare 2015: 43). Machinations, hollowness, treachery, and all ruinous disorders” (Shakespeare 2015: 22).* Атмосфера произведения приходит все в большее напряжение, готовятся заговоры и появляются предатели (traitors): *“We are bound to take upon your traitorous father are not fit for your beholding (Shakespeare 2015: 82). And what confederacy have you with the traitors” (Shakespeare 2015: 83).* В контексте трагедии, месть несет за собой даже праведную цель, ведь сторонники короля Лира хотят помочь ему вернуть былую мощь и избавить от предателей его земли. Одной из значимых лексических единиц в вербализации данного фрейма выступает лексема “revenge”, которая была употреблена королем Лиром в очень эмоциональном состоянии. В его монологе наблюдаем такой синтаксический прием, как прерывание речи: *“No, you unnatural hags, I will have such revenges on you both, that all the world shall – I will do such things, – what they are, yet I know not: but they shall be the terrors of the earth (Shakespeare 2015: 62). I will have my revenge ere I depart his house” (Shakespeare 2015: 76).*

На фоне интриг происходят убийства и смерти, поэтому в тексте мы часто встречаем такие лексические единицы как «murder» и «death»: *“Persuade me to the murder of your lordship (Shakespeare 2015: 42). Bringing the murderous coward to the stake; he that conceals him, death (Shakespeare 2015: 42). His daughters seek his death” (Shakespeare 2015: 75).*

В вербализации фрейма “arrogance” отмечаем лексическую единицу “pride”. Автор отсылает читателя к одному из смертных грехов, а именно гордыне: *“Let pride, which she calls plainness, marry her (Shakespeare 2015: 12).. Infect her beauty, you fen-suck’d fogs, drawn by the powerful sun, to fall and blast her pride!” (Shakespeare 2015: 58).* Высокомерным людям чужды эмоции. Для данного фрейма характерными выступают такое прилагательное как “untender” и эпитеты “empty-hearted” и “dog-hearted”: *“Nor are those empty-hearted whose low sound reverbs no hollowness (Shakespeare 2015: 13). To his dog-hearted daughters” (Shakespeare 2015: 96).*

Такое явление как ложь имеет огромное значение в произведении. Наиболее яркой цитатой произведения является речь короля Лира о двойственной природе всех вещей. Фрейм “**falsehood**” актуализируется здесь лексической единицей «beneath»: *“But to the girdle do the gods inherit, beneath is all the fiends’; there’s hell, there’s darkness, there’s the sulphurous pit” (Shakespeare 2015: 104).* В следующем примере лексические единицы «lie» и «false» используются в своем метафорическом значении: *“Detested kite! thou liest (Shakespeare 2015: 34). False of heart, light of ear (Shakespeare 2015: 73). They told me I was everything; ‘tis a lie (Shakespeare 2015: 103). Thou art a traitor” (Shakespeare 2015: 123).*

Самой значимой особенностью данного фрейма является то, что любовь в «Короле Лире» является лживым чувством. Старшие дочери короля готовы были петь ему серенады о своей любви, лишь бы отхватить кусок территорий как можно больший и лучший, и одна только Корделия любила отца искренне. Неотъемлемой репрезентацией фрейма “**falsehood**” является лексема «love»: *“Which of you shall we say doth love us most? (Shakespeare 2015: 10).*

Sir, I love you more than words can wield the matter (Shakespeare 2015: 10). *In my true heart I find she names my very deed of love; only she comes too short*” (Shakespeare 2015: 10).

Таким образом, в ходе анализа концепта «power» в трагедии У. Шекспира “King Lear” было выявлено, что основными фреймами концепта “power” являются такие ключевые явления (фреймы) как “the name”, “the title”, “obedience”, “confrontation”, “intrigues”, “arrogance” и “falsehood”. Наше исследование показало, что наиболее встречаемые из них следующие: “the title”, “falsehood”, “confrontation”. Превалирование этих явлений объясняется жанровой принадлежностью самого произведения, а также изображенным в нем историческим периодом.

Данное исследование представляет собой по изучению концепта как явления когнитивной лингвистики, и в ходе ознакомления с учебной литературой мы выяснили, что трактовка данного термина значительно изменяется. Если брать обобщенное определение, то концепт представляет собой абстрактные единицы языка, служащие человеку для осуществления мыслительных операций и отражающие опыт и знания, накопленные им в результате деятельности и познания окружающего мира. В контексте анализа концепта в идеолекте конкретного автора, концепт приобретает новые оттенки смысла и помогает глубже понять концептуальный смысл текста, заложенный в него автором. Представляется возможность дальнейшего продолжения исследования на основе уже проанализированного нами материала, выявления и анализа других концептов в данном произведении.

ЛИТЕРАТУРА

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 30 с.

Филистова Н.Ю. Структура концепта «Investigation» и лингвистические способы его реализации в английских детективных рассказах // Наука и инновации XXI века. Материалы XII Окружной конференции молодых учёных ХМАО-Югры (Сургут, 1-2 декабря 2011 г.). Сургут: Сургутский государственный университет, 2011. С. 182-184.

Филистова Н.Ю. Концептуальная семантика детективного нарратива (на материале текстов английских и русских рассказов) // Иностранные языки сегодня – 2010: Материалы международной научной конференции. Сургут. гос. ун-т. ХМАО–Югры. Сургут, 2010. С. 46-47.

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 18-36.

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.

Крючкова Н.В. Методы изучения концепта // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Материалы международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С.271-272.

Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М.: Высш. шк., 1983. 127 с.

Стернин И.А. Методика исследования концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С.58-65.

Валеева Д.Р. Методы изучения базовых общечеловеческих концептов (на примере концепта «Дом») // Лингвистические исследования: сборник научно-методических работ. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009. С.22-27.

Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: Деком, 2001. 84 с.

Вятр Е.Й. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 464 с.

Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 863 с.

Shakespeare W. The Tragedy of King Lear // Edited by Barbara A. Mowat and Paul Werstine. Folger Shakespeare Library, 2015. 131 p.

REFERENCES

Askol'dov S.A. Kontsept i slovo // Russkaya slovesnost': Antologiya / Pod red. V.P. Neroznaka. Moscow: Academia, 1997. 30 p. (in Russian).

Filistova N.Yu. Struktura kontsepta «Investigation» i lingvisticheskie sposoby ego realizatsii v angliiskikh detektivnykh rasskazakh // Nauka i innovatsii XXI veka. Materialy XII Okruzhnoi konferentsii molodykh uchenykh KhMAO-Yugry (Surgut, 1-2 dekabrya 2011 g.). Surgut: Surgutskii gosudarstvennyi universitet, 2011. P. 182-184. (in Russian).

Filistova N.Yu. Kontseptual'naya semantika detektivnogo narrativa (na materiale tekstov angliiskikh i russkikh rasskazov) // Inostrannye yazyki segodnya – 2010: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Surgut. gos. un-t. KhMAO–Yugry. Surgut, 2010. P. 46-47. (in Russian).

Boldyrev N.N. Kontseptual'noe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2004. No 1. P. 18-36. (in Russian).

Arutyunova N.D. Logicheskii analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty. Moscow: Nauka, 1991. 204 s. (in Russian).

Kryuchkova N.V. Metody izucheniya kontsepta // Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kazan': Kazan. gos. un-t, 2004. P. 271-272. (in Russian).

Nikitin M.V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika). Moscow: Vyssh. shk., 1983. 127 p. (in Russian).

Sternin I.A. Metodika issledovaniya kontsepta // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki. Voronezh: Izd-vo VGU, 2001. P. 58-65. (in Russian).

Valeeva D.R. Metody izucheniya bazovykh obshchechelovecheskikh kontseptov (na primere kontsepta «Dom») // Lingvisticheskie issledovaniya: sbornik nauchno-metodicheskikh rabot. Kazan': Izd-vo Kazan. gos. tekhn. un-ta, 2009. P.22-27. (in Russian).

Bukharov V.M. Kontsept v lingvisticheskom aspekte // Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya. N. Novgorod: Dekom, 2001. 84 p. (in Russian).

Vyatr E.I. Sotsiologiya politicheskikh otnoshenii. Moscow: Progress, 1979. 464 s. (in Russian).

Gal'perin I.R. Bol'shoi anglo-russkii slovar'. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. 863 p. (in Russian).

Shakespeare W. The Tragedy of King Lear // Edited by Barbara A. Mowat and Paul Werstine. Folger Shakespeare Library, 2015. 131 p.

© Филистова Н.Ю., Русских Г.И., 2021